

использует средства весьма жестокие, весьма возмущительные, мы можем представить, что женщина участвует в этом заговоре, но чтобы женщина становилась во главе заговора, чтобы она принимала на себя распоряжения всеми подробностями убийства, чтобы она с циничным хладнокровием разставляла металлические, чертила план и показывала, где им становится, чтобы женщина, сдвигавшая дуло заговора, бржала смотреть на его последствия, становилась в нескольких шагах от места злодеяния и любовалась делом рук своих — такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать.

За Перовскую следует подсудимый Кибальчич. Судя по его объяснениям, он представляется специалистом, техником, посвятившим себя на служение науке, и притом специалистом, усвоившим себе социально-революционные убеждения, человеком мягкого характера, мягкого даже образа действий, если это возможно. Он говорил нам, что лично он неспособен к насильственным действиям. Когда однако на суд слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывавшуюся, обстоятельную, тихую речь Кибальчича, невольно приходит в голову мысль: „Мягко стелет, да жестко сплет“. Уроженец Черниговской губернии, он, не окончивши курса наук в среднем учебном заведении, в 1871 году поступил в институт инженеров путей сообщения, а оттуда в 1873 году перешел в медико-хирургическую академию, где по собственному показанию, и приобрел социальные убеждения. В это время ему было, по моему приблизительному расчету, без малого 20 лет. Между 1873 и 1875 гг. Кибальчич слушает лекции в академии. Занимался он там — этого мы не знаем; но в 1875 году летом мы застаем его живущим в Киевской губернии, в имении своего брата. Здесь он передает рядовому Притулу революционную книжку под заглавием: „Сказка о четырех братьях“. Производить у него обыск, находить целый тюк революционных изданий и собрание подложных паспортов, его заключают под стражу и возбуждают дело, оконченное приговором Особого Присутствия Правительствующего Сената 1-го мая 1878 года, присудившим Кибальчича за хранение запрещенных изданий к тюремному заключению. Таким образом с 1875 по 1878 год Кибальчич не действует, он находится в заключении. Но тюрьма еще больше утверждает Кибальчича в социальных убеждениях, так что по освобождении он выходит с окрыленными революционными воззрениями, и осенью, после арестов, произведенных в Петербурге после убийства генерал-адъютанта Мезенцова, переходит на нелегальное положение. До осени 1879 г. он, впрочем, по видимому, в революционной деятельности не принимает активного участия, и объясняется это тем, что он не имел связей с партией, а связи были нужны в партии и в ней нельзя было обойтись без социально-революционной протекции. Векорь, все больше и больше присоединяясь к партии внутренне, Кибальчич, еще до формального в ней присоединения; предвидя, что партии придется вступить в борьбу с правительством и употребить в борьбу так вещества, как динамит, начинает изучать все, относящееся к производству динамита, и изучает, нужно отдать ему справедливость, с научною добросовестностью, изучает так, что действительно мог сдаться изобретателем и составителем метательных снарядов. Мы слышали, что он владел и может быть только по этому случаю овладел языками, что он перечитал все, что мог найти по литературе предмета — предмета: как странно звучит это слово, когда говоришь о динамите, метательных снарядах и других орудиях разрушения! Весною 1879 г. Кибальчич, прямо с целью предложить свои услуги партии, знакомится с Квятковским и начинает готовить динамит, как общественное достояние партии. Летом 1879 года общими революционными интересами сводят его с Желябовым, а в 1880 году он оказывается в Петербурге и, проживая в разных квартирах под разными именами, посвящает все свое время мастерским, где готовится динамит, и, наконец, является предь вами обвиняемым в злодеянии с известным вам участием.

Немного придется нам говорить о Тимофее Михайлове. Грубый, неразвитый, малограмотный, едва умеющий подписать фамилию, простой рабочий, он вышел из простой крестьянской семьи, Сычевского уезда, Смоленской губ. В молодом возрасте он прибыл в Петербург и здесь прямо поступил на фабрику Городская порца, разлагающее влияние фабричной жизни сразу возмужало его. Петербургская рабочая среда, антагонизм с мастерами и хозяевами фабрик, столкновение с агитаторами, которые

издавна избрали фабрику местом своей пропаганды, толкнули Михайлова на настоящую его дорогу. Здесь, говоря о пути, пройденном Михайловым, о вступлении его на этот путь, опять приходится вступиться за Желябовых. Вы помните, как характерно выразился Михайлов в своем показании: Желябов, говорит он, „привкомандировал“ меня к боевой дружине. И вот, привкомандированный Желябовым, Михайлов сблизился не только социалистом-революционером, но и терротистом, а 3-го марта оказывает вооруженное сопротивление, думая при этом только одно: я не дам себя даром первому своему врагу. Следует заключить из объяснения самого Михайлова, что он первоначально вступил в рабочую дружину для того, чтобы защищать рабочих от врагов, от шпионов и не любимых мастеров; но затѣм его революционные задачи и развитие, благодаря влиянию Желябова, расширились, развитие это сказывается в тех фразах, которые мы слышали от него здесь. Он сказал: труд поглатается капиталистами, ведь рабочие эксплуатируются; земля, орудия труда, фабрики, должны принадлежать рабочим. Последнее Михайлов хорошо себе усвоил, и вбродно только это одно он и понимал из социально-революционного учения. Он постиг, что хорошо, если завод Макферсона будет принадлежать ему, в качестве пайщика или дольщика; он постиг это — и побуждаемый этими стремлениями пошел через руки Желябова с метательным снарядом на Екатерининский канал.

Что сказать мы о Гельфмане? „Неинтеллигентная“ еврейка, как описывает ее записка, прочитанная здесь, хозяйка конспиративной квартиры в Тельжной улице. Но эта неинтеллигентная еврейка способна во всяком случае в предлах для неа доступных, на созательную роль в злодеянии, а ее прошлое таково, что оно подготовило ее к такой роли. Учасница в процесс так называемом московских социалистов „пятидесятки“, признавая еще тогда виновною в принадлежности к партии, она была приговорена к двухлетнему заключению в рабочем доме и освобождена в мае 1879 года, освобождаясь и немедленно принялась за старое, опять пошла туда же, откуда вышла, и стала принимать свои посильные знания к делу, которому она служила. Она в одно и то же время и наборщица „Рабочей Газеты“, и исполняет неинтеллигентные обязанности, являясь хозяйкою конспиративной квартиры, имѣющей такое роковое значение в настоящем деле.

Затѣм, если изъ всего того, что я сказал о каждом из подсудимых в отдельности, мы пожелаем выделить некоторые общия родовые черты, которые, если нам и не объясняют причину злодеяния, то по крайней мере дадут указание на то, как подсудимые пришли до него, то мы получим поучительный и грустный ответ. Отсутствие и слабость в жизни большинства подсудимых семейных связей, плохое влияние школы, допускающей, что во время пребывания в школе юности, пришедшие в нее за полезными знаниями, направляются не на ученье, не на занятия, а в сторону, на политику, на агитацию; на идеи, которых человек, еще в школе находящийся, не может усвоить себе сознательно — вот те грустные явления в жизни нашей молодежи, которые дают нам Рысаковых, Кибальчичей и даже Желябовых, готовых на все безправственное и ужасное, лишь бы этим достигались социально-революционные цели.

Фактическая сторона обвинения, насколько было возможно — исчерпана. Установлены обстоятельства как злодеяния 1-го марта, так и других предметов обвинения, выяснено совершение их подсудимыми и точно распределены между ними доли соучастия, наконец, доказано и совершение злодеяния путем заговора, составленного тайным сообществом, которое называет себя вообще „русской социально-революционной партией“, а в частности партией „Народной Воли“. Но я не исполнил бы своей обязанности, если бы ограничил ее указанными мною предлами: уже самая наличность тайного революционного сообщества, как предмета обвинения и вместе с тем как источника злодеяния 1-го марта, обязывает меня войти в рассмотрение его излода, цели и преступной деятельности. Я могу сдѣлать это лишь в самом бѣглом очерке, на основании однако же вполне достоверного и богатого материала, который заключается в официально опубликованных отчетах о политических процессах за последние десятилетия и в имѣющихся при настоящем деле вещественных доказательствах. Я позволяю себе надѣяться, что вы милостивые государи, вместе со мною признаете, что пара же, наконец, привести в известную систему наиболее выпуклые и ярые черты

пресловутой „партии“, познаться с ее действительным значением и тенденциями, пара сарвать маску с этих непрошенных благодетелей человечества стремящихся добыть осуществление излюбленной ими химеры крови и гибели всего, что с нею не согласно. Глубоко убежденный в том, что между истинно честными людьми не найдется и не может найтись ни одного сколько-нибудь сочувствующего учения мы не вправе оказывать им ни малѣйшаго снисхождения, так как снисхождение могло бы быть объяснено только пагубно-ложными предположениями о них ошибочных но будто бы в конце концов идеальных намерений. русскому обществу нужно знать разоблаченную на суд правду о заразе, разносимой социально-революционной партией, и я хотѣл бы сказать эту правду теперь, серьезно и возможно спокойно, без рѣзких слов и натяжек, побивая врага его оружием, изображая его у него же взятыми красками, его же мыслями и действиями.

Оставляя пока в стороне вопрос о борьбе или мѣте известном и для суда прямое значение не имѣющем происхождение и постепенное развитие социально-революционного движения, я обращусь непосредственно к тем обстоятельствам и условиям, при которых оно приняло свое теперьшнее кровавое, террористическое направление. Мы знаем из процесса шестнадцати террористов, рассмотренного петербургским военно окружным судом, несколько изъясняясь тому назад, что еще в 1878 г. не раздѣляя воззрѣній, рекомендовавших постепенное революционное воспитание народа в борьбе с существующим экономическим строем, некоторые более нетерпеливые члены за несколько лет перед тем образовавшагоса тайного сообщества, принявшего наименование русской социально-революционной партии, озлобленные неудачами и преслѣдованіем, порѣшили, что для защиты их дѣла против Правительства нужно политическое убийство, и если окажется возможным — посягательство на царубийство. Кроме своегообразного понимания партийных интересов, затѣм кажется дѣйствовало и революционное честолюбие — репутации Геделя, Набилинга и других не давали спать русским их единомышленникам. И вот потянулись длинным рядом все въ нам еще хорошо памятные преступления, начавшіяся выстрѣлом Вѣры Засулич и дошедшія до покушения 2-го апрѣля 1879 года. То были глухіе удары, раскаты приближающагоса землетрясения, г-ворится въ одном из подпольных листов; то было пробное взмахи разхидившейся руки убийцы, предвѣстие кроваваго инстинкта, почушагоса запах крови — скажем мы. Новое направление оказалось вполне соответствующим настроению известной части партии и повлекло за собою раскол между ее членами. Одни не хотѣли прибавлять крови и прямого бунта к своей преступной деятельности, другие же, напротив, видѣли весь успѣх своего дѣла въ политической борьбѣ, и разумѣли под нею тайны убийства, царубийство и затѣм открытое возстаніе, съ целью создать новый государственный строй, которого т-буетъ было бы народная воля. Для разъяснения этого раскола и составленіи обусловленныи имъ новой программы действий, для того чтобы разобраться, сосчитать и сговориться между собою, летом 1879 года въ городѣ Липецкѣ состоялся съѣздъ дѣятелей партии, получающей въ настоящее время особенно преступное, гибельное значение, так как на немъ и вслѣдствіе его совѣщаній окончательно сформировалась фракція террористовъ и былъ рѣшенъ тотъ образъ действий, который завершился злодеяніемъ 1-го марта. На липецкомъ съѣздѣ послѣдователи новаго революціоннаго направленія кругом поставили вопросъ о политической борьбѣ, какъ о единственномъ средствѣ для достиженія цѣлей партии. Центр тяжести политической борьбы, гласятъ далѣе террористическое рѣшеніе, лежитъ въ царубийствѣ, поэтому на него то и должны быть направлены все усилія партии. Но совершать его нужно уже не по прежнему; революверъ и кивалъ дискредитированы и заброшены; на сцену выступают динамитъ и разрушительные взрывы. Таковы были рѣшенія липецкаго съѣзда, а вместе и исходная точка террористовъ-царубийцевъ, поднявшихъ свой кровавый красный флагъ надъ новою подпольною газетою „Народный Воле“. Вслѣдъ затѣмъ террористы принялись за работу, и послѣдовательными ихъ систематической дѣятельности были три, одно за другимъ совершонныи, покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора — 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, 19-го того же ноября близъ Москвы и 5-го февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ, и неудавшіяся приготовленія къ четвертому такому же покушенію близъ города Одессы. Четыре взрыва не удались — стали готовить пятый, достигшій, по воле